

В.Е. Лякин

К ВОПРОСУ О ПОСТУПКЕ, ВОЛЕ И ВОЛЕИЗЪЯВЛЕНИИ

Анализируется значение воли и волеизъявления как движущей силы человеческих поступков при выборе личностью оснований своего бытия. В качестве основания подлинного бытия рассматривается правда, потенциал которой осуществляется только при её осознанном воплощении. После рассмотрения источников правдивого бытия сделан вывод о необходимости активного волеизъявления для выбора правды.

Ключевые слова: правда; поступок; воля; волеизъявление; выбор.

В последнее время в российской философской среде возрос интерес к проблеме правды, что сопровождается ростом количества научных работ на эту тему.

Актуальность проблемы правды обосновывается её исследователями несколькими факторами, прежде всего недостаточностью критического или какого-либо иного анализа этой категории в современных философско-антропологических исследованиях [1. С. 4]. Высказывается даже мнение, что «в современной гуманитарной науке отсутствуют комплексные онтологические и аксиологические концепты правдопонимания» [2. С. 4]. Также интерес к концепту правды объясняется вступлением человечества в эпоху постмодерна, которая сопровождается, с одной стороны, политической, культурной и ценностной плюральностью [1. С. 117–147; 3. С. 3], потерей человеком смысловых ориентиров и собственной идентичности, а с другой – кризисом рационализма, когда рациональные ценности оказываются чем-то внешним по отношению к человеку.

При этом отмечается несомненное значение рассматриваемого понятия именно для русской культуры. Так, Н.А. Земскова считает, что наличие в русском языке двух слов-концептов «Истина» и «Правда» для выражения близких по значению понятий является отличительной особенностью русской культуры, подтверждаемой частотой их употребления в пословицах, поговорках, фразеологизмах [4. С. 103–104]. При этом исследователи концепта правды (как отечественные, так и зарубежные) подчёркивают существующие различия между принятыми в России пониманиями правды-истины и правды-справедливости [5. С. 4–5, 57–65; 6. С. 75–87; 7]. В связи с этим исследование понятия правды актуально и в культурологическом аспекте в свете возрастающего интереса к российской истории и культуре.

В то же время предметом существующих работ по проблематике правды (С.Л. Франка, Н.А. Бердяева, А.Д. Шмелёва, Н.К. Михайловского, Е.В. Барабанова и др.) являются либо институционализация правды как феномена, либо легитимация правды как эффективной ценностной системы, способствующей развитию жизненного процесса человека, либо бытийно-духовный и витально-психический аспекты правды по отдельности (см. [8–12]). Между тем, на наш взгляд, в этих работах не проведён достаточный теоретический анализ проблемы структуры правды, не уделяется должного внимания такому существенному аспекту

правды, как источник её обусловленности, механизм образования правды в бытии человека.

Из существующих трактовок концепта правды мы считаем правильным экзистенциальное понимание правды как концептуальной категории, способной показать возможные формы человеческого существования. Антропологически выраженная правда есть представление субъекта о должном, причём образ этого «должного» складывается у каждого человека в особом сплетении чувства, мысли, воли, ощущений, представления. Центральным психологическим звеном рефлексивной правды как выражения отношения человека к другим людям является процедура установления и регулирования одинаковых моральных требований по отношению к себе и другим в ситуации общения [13. С. 125–126].

Из социологии знания мы знаем, что ни одно мировоззрение, создающее идентичность конкретной социальной группы, не имеет онтологического статуса собственных категорий и всегда определяется социальным контекстом [14. С. 279–286]. Необходимой предпосылкой человеческой деятельности по обретению правды становится учёт свободной воли, личного начала и их соотношения с возможностью постижения правдивого бытия.

При этом квинтэссенцией воли, претворяющей потенцию бытия в действительность, считается сознательное действие, поступок. Поступок воплощает образ жизни и создаёт само человеческое существование как непрерывный феноменологический ряд. По мнению М.М. Бахтина, одного из основных исследователей понятия поступка, последний представляет собой сформированную исторически-индивидуальную действительность и является исключительно дескриптивным, а не практическим концептом.

Изложенное ставит открытым вопрос о соотношении представлений субъекта о должном, в качестве основания которых может выступать правда, и свободной воли и поступка как её квинтэссенции. Целью настоящей работы является разрешение данного вопроса, а именно установление значения воли и волеизъявления как движущей силы поступков применительно к рефлексивному или нерефлексивному выбору личностью оснований своего бытия, в том числе правды. В работе будет рассмотрен вопрос о том, вызвано ли появление правды в жизни человека стихийными или иными внешними факторами либо исключительно проявлением человеческой воли.

Вопрос о значении, которое придаётся внутреннему усмотрению человека в решении вопроса о том, какие поступки он должен совершать, широко обсуждался и обсуждается в философии, религии и иных формах изучения мировоззрения.

Значимость воли при познании основополагающих движущих сил человеческого существования отмечалась многими философами. Так, Вл. Соловьёв в своей «Теоретической философии» [15] предпринял попытку оправдания истины именно через волю как основу познания истины. Последняя отождествлена с Логосом, превращая акт мышления в способ «умного делания».

Реализованным актом воли и основным способом какого-либо «делания» является поступок. Детальному исследованию концепта поступка как выражения человеческого выбора и его воплощения посвящены исследования М.М. Бахтина [16], для которого поступок воспринимается не с точки зрения его целей, а как способ существования человеческой жизни. Его анализ поступка концентрируется не на содержании и цели, а на его природе и структуре.

Категория «поступок» является всеобщей категорией для выражения единичного бытия, выявления сущности человеческой экзистенции, но при этом не задаёт никакой нормы. Поступание есть необходимость и долженствование поступка. Поступок уникален, единствен и неповторим. Именно в этом формальном смысле любой конкретный поступок связывается Бахтиным с понятием правды, что прослеживается у него в таких словах и выражениях, как «синтетическая правда поступка» [Там же. С. 30], «правда данного момента» [Там же. С. 36], «правда положения» [Там же. С. 38], «правда события» и «правда конкретного действительного долженствования» [Там же. С. 43].

Бахтин считает поступок ни сугубо рациональным, ни сугубо иррациональным, а эмоциональным понятием, выражающим ценностное отношение человека к миру. Поступок всегда следует некоторой логике, но не может быть сведён единственно к сумме логических функций. «Поступок в его целостности более чем рационален, – он ответствен. Рациональность – только момент ответственности» [16. С. 30]. А.А. Гусейнов отмечает: «Ответственность в данном случае означает, что индивид совершает поступки, которые никто другой в мире совершить не может, что он живёт жизнью, которую никто, кроме него, прожить не может, что в той точке бытия, в которой он находится, само бытие зависит от него» [17. С. 14–15].

Таким образом, в анализе структуры поступка, как и в анализе его природы, Бахтин избегает содержательных определений. Термины «поступок» и конституирующая его «ответственность» имеют не этический, а онтологический смысл. Данные понятия у Бахтина превращаются в понятия «теории действия», из перспективы которой он стремится прояснить смысл индивидуального человеческого бытия в соотношении с миром культуры.

В этой теории Бахтин заключает долженствующий момент поступка в «продуктивности единственного

действия» [16. С. 40], а поступок есть не что иное, как «осуществление решения», сводящего в единое субъективное и объективное, рациональное и эмоционально-волевое, «смысл и факт» [16. С. 29]. Именно таким образом понимаемый поступок приобретает характер связующего звена между индивидуумом и бытия, «события», т.е. приобщения к бытию, причастности бытию, участия в нём. При этом, несмотря на обусловленность поступка историческим intersubъективным контекстом определённой культуры, место вхождения индивида в бытие оказывается и точкой его разрыва: «Утвердить факт своей единственно незаменимой причастности бытию – значит войти в бытие именно там, где оно не равно себе самому, – войти в событие бытия» [Там же. С. 41]. Другими словами, войти в событие бытия – значит внести в него своё видение, внести в сложившийся мир возмущение.

По Бахтину, смысл поступка как места встречи индивидуума с бытием заключается в том, что «я как единственный должен стать в определённое эмоционально-волевое отношение к историческому человечеству, я должен утвердить его как действительно ценное для меня, этим самым станет и для меня ценным и всё для него ценное» [Там же. С. 44].

В своей теории Бахтин отстаивает необходимость несовместимости и несоизмеримости множеств индивидуальных миров поступка. В этой ситуации на вопрос о том, можно ли отождествить «правду» поступка с некоторой «нормой» поступка, Бахтин отвечает отрицательно: «Правда события не есть тождественно себе равная содержательная истина, а правая единственная позиция каждого участника, правда его конкретного единственного долженствования» [Там же. С. 43]. Таким образом, одной из сторон правды поступка является его фактичность: он свершился «уже безысходно, непоправимо, безвозвратно» [Там же. С. 29]. Кроме того, из приведённого текста видно, что правда поступка не подразумевает никакой содержательной нормы. Напротив, правда поступка заключается в праве на ошибку, на отрицание действительности. При этом поступок выражает правду только моей собственной жизни, которая может вступать в конфликты с правдами других и делает это. Понимаемая таким образом правда поступка означает признание Бахтиным абсолютной автономии и свободы личности.

Завершая краткий экскурс к теории Бахтина, не можем не отметить вслед за М.Е. Соболевой [18. С. 187–188], что, несмотря на персонализм позиции Бахтина, его понимание правды поступка наделяет её почти исключительно дескриптивным, а не практическим значением. Понятие правды у него выступает как категория не практической, а теоретической философии, которая «не может строить общих понятий, положений и законов об этом мире», но «может быть только описанием, феноменологией этого мира поступка» [16. С. 31]. По мнению Бахтина, знать истину о поступке не означает, что следует или даже возможно дать ему однозначное содержательное определение, подвести его под некоторое общественно-априорное «что такое хорошо и что такое плохо».

Однако мы не можем принять приведённую точку зрения о нейтральности поступка как такового. Осуществляя выбор, человек всегда может ложно интерпретировать себя и своё место, сделать неверный шаг. Никакое частное бытие не может быть всецело свободным от неправды уже в силу своей обусловленности предшествующим ходом событий и миром в целом. Человеческое существование изначально драматично, так как индивид предстаёт лишённым извечной сущности и обречён на испытание свободой (см.: [19]). Человек заброшен в события мира, зависим от случайностей, воли других людей, часто считает себя зависимым от судьбы. Б.Л. Губман отмечает: «Принадлежность человека к мировой истории, включённость в ход её событий делает задачу обретения подлинного, неовеществлённого существования особенно сложной» [20. С. 67]. С.Ф. Денисов говорит о том, что «судьба представлена формой неправды и несвободы» [1. С. 191].

Здесь и заложена постоянно сопровождающая человека возможность неподлинности, неправды, которая может привести к допущению относительной правды. Однако за относительной правдой, «полуправдой», всегда скрывается абсолютное её отрицание: каждая составная часть ситуации правды должна быть такой же, как и другие её составляющие.

Правильной представляется мысль В.В. Ивановой о том, что верно понятая идея правды требует идеи неправды [3. С. 64–73]. Данные идеи противостоят друг другу, но отнюдь не в качестве равноправных полярностей. Поскольку нельзя понимать правду и неправду как две полярные ценности, постольку понятие неправды не требует понятия правды. Можно мыслить себе мир, подчинённый всецело неправде, где нет места подлинности. Подлинный же, абсолютно правдивый мир является идеалом – недостижимым и утопическим состоянием. Поэтому правильно понятая идея правды требует идеи неправды как своего рода естественного противовеса.

Однако для такого понимания природы правды и неправды, в котором идея правды требует идеи неправды, необходимо диалектическое мышление, не сводящее данную антиномию лишь к одной из её составляющих. Чаще всего выбор делается в пользу следования неправде, которая, по мнению обывателя, опирается на объективные факты человеческого существования, в отличие от правды, существующей только в качестве моральных принципов.

При этом нельзя не отметить, что правда по смыслу своей сущности онтологически предшествует совершаемым праведным поступкам, поскольку правда первичнее своих проявлений. В этом смысле правда есть не бытие, а его основа, атрибут создаваемой человеком реальности.

Отсюда логичным является вывод о том, что всякое частное, объективированное бытие, в том числе человеческое, всегда содержит неправду и, следовательно, только подлинное бытие обладает правдой как решающей причиной поступков. Бытие, будучи объективированным, исключает правду и, в свою очередь, не существует в отрыве от подлинного бытия,

точнее, от стремления к нему. Местом существования правды может являться только сфера, общая для подлинного, интеллигибельного бытия и для бытия человека в мире. Такой сферой, которую можно было бы назвать подлинной жизнью, является возможность (потенция, стремление) к подлинному бытию, которая ещё не есть подлинное бытие, но может как стать, так и не стать таковым.

Следовательно, правда представляет собой творческую силу потенции – стихию подлинного бытия. Правдой является тождество подлинному бытию и бытию человека в мире, т.е. возможность подлинного бытия, подлинная жизнь. Всякое осуществление правды является её воплощением и поэтому содержит в себе два элемента: приобретение и принижение.

С одной стороны, при воплощении правда «опредмечивается», тем самым становится фрагментом правды, ставшим бытием. Тем самым правда, на первый взгляд, всегда оскудевает, ограничивает широчайшую сферу своей потенции здесь-конкретным применением. С другой стороны, нельзя мыслить правду только как принижение, т.е. только в смысле отрицания неправды, и лишать её положительной силы. Правда предполагает категорию «сущей» возможности, способной к акту, поэтому акт (поступок, физический или мыслимый) действительно реализует правду и бытие, а вовсе их не отменяет.

В этом акте выбора в пользу правды в первую очередь проявляется природа выбирающего (субъекта) и обнаруживается природа выбираемого. Правда является возможным и должным признаком субъекта (человека), она не может не относиться к чему-либо. И поскольку главным свойством не выбранной правды являются сослагательность, пассивность, можно сделать вывод о том, что положительно понятая правда есть не отсутствие неправды (не-справедливости и неистинности), а полнота правды.

Интересно сравнение приведённой мысли с ранее процитированной точкой зрения Бахтина о том, что вхождение индивида в бытие через поступок не создаёт, а напротив, разрывает бытие, которое он видит только индивидуально-определённым.

Приведённые определения подчёркивают потенциальность как наиболее существенную характеристику правды, поскольку у индивида всегда есть соблазн сосредоточиться именно на имеющемся настоящем. Такая солидарность с общепринятым ведёт к усреднённости человека, потере его уникальности [21. С. 343–344]. Настоящее познание правды требует от человека сосредоточенности, собранности. Правда направлена на подлинное бытие, она стремится его завоевать. В обыденном же мире человек не свободен от угрозы времени, которое погружает его в бессмыслицу и обезличенную рассеянность.

Потенциальность правды подтверждается наличием такого явления, как совесть. Принимая во внимание многочисленность трактовок этого понятия, примем понимание совести как посредника между личностью и сверхличными ценностями, глубинного уровня, на котором правда сближается с сознанием человека и становится его неустранимой чертой.

По словам В.В. Ивановой, человек постоянно творит себя, так что всё его существование является экзистентной возможностью быть подлинным [3. С. 142]. То есть экзистенциал «совесть» означает то, что человек всегда каким-то образом расположен к правде, что он так или иначе находит себя в отношении к правде. При этом экзистенциальное отношение к правде имеет ту особенность, что от неё нельзя отказаться. Ведь отношение к правде (положительное или отрицательное, включая равнодушное) является неотъемлемой частью личности человека, отказ от которой означает отречение от самого себя.

Место совести в человеческом выражении правды является срединным между телесной природой индивида и его духовным составом. Однако, несмотря на то, что совесть, будучи психическим явлением, является неотъемлемым атрибутом любой человеческой личности, она сама по себе не может обеспечить праведное, подлинное существование. Другими словами, «добросовестные» или другие решения принимает не совесть, а сам человек, именно его свободная воля определяет, принять голос совести или оставить его без внимания. Поэтому обращение к совести как к исключительно психической ступени не достигает цели, хотя только совесть может научить различению правды и неправды.

Процесс отращения духа от подлинного бытия всегда происходит с молчаливого согласия воли человека, поскольку личность человека прежде всего целостна. Совесть всегда предоставляет информацию о том, какое бытие подлинно, и любой человеческий акт отсюда является актом выбора подлинного бытия, в котором и только в котором, как уже указывалось ранее, и существует правда. В большинстве случаев недопустимой является мысль об осознанном служении злу, в связи с чем можно прийти к выводу о том, что неправда чаще всего овладевает человеком, примеряя маску правды. Для того чтобы сорвать эту маску, требуются усилия, которые человек не всегда желает предпринимать.

Как видно, априорное значение совести входит в явный диссонанс с ранее рассмотренным персонализмом Бахтина, выраженным в абсолютной автономии человека и свободе его выбора, при которой правда поступка состоит лишь в его свершении, его единственности, созданной одной лишь ответственностью перед самим собой, а не другим.

При ответе на вопрос о том, является ли правда элементом поведения, нельзя не отметить, что во всех элементах своего поведения человек находится перед выбором обладания и приращения собственных возможностей или их растративания. Возможность не увидеть существование этого выбора является возможностью неправды, олицетворение которой можно представить через атеистическое описание греха Н. Аббаньяно [22. С. 109]. Согласно этому определению основными сущностными чертами греха (неправды) как проявления неподлинности мира являются несобранность, расслабленность, неспособность координировать жизнь, её обезличивание и бессмысленность, которые препятствуют формированию лич-

ности человека, отдаляют его от подлинного бытия, существования.

Другим привычным для нас аналогом неправды является скука, с которой Л. Свендсен связывает потерю ориентира в жизненном пространстве [23. С. 26]. Если правды не бывает мало или много, то скуке присуще нарастание – нарастание утраты смысла жизни, отношения к подлинному бытию, т.е. правды. С.Ф. Денисовым отмечено и положительное значение скуки: «Скука – атрибут эстетической жизни, но в то же время и голос сознания, говорящий о существовании иной, правдивой жизни» [1. С. 169].

Из изложенного видно, что повседневная жизнь не совпадает с подлинным бытием, более того, всякая жизнь может казаться неадекватной тому, чем по сути является человек. Стремление к подлинному бытию конституирует мир, поскольку подлинное бытие является чистой потенцией, тем, чего мы можем достичь, но ничем таким оно не может обладать без нас и в состоянии прирастать только благодаря нашему собственному подлинному существованию [24. С. 7].

Выбор человеком правды означает укоренение, реализацию себя в возможности своего отношения к подлинному бытию, в то время как выбор неправды означает утрату этой возможности. Но сам факт того, что человек вынужден постоянно сталкиваться с этим выбором, означает, что предрешение относительно правды у него отсутствует. Правдивость есть не описание противоположных нравственных позиций, а создание и воспроизводство ситуации человеческого существования, к которой можно применить термин «правдивое бытие» и которую можно описать только с использованием этого термина [3. С. 106].

Таким образом, правда не является врождённым атрибутом поведения и требует осознанного выбора. Акт выбора правды субъектом не отменяет наличия неправды в бытии, но позволяет возвыситься над ней. Такой акт имеет в себе элемент сверхвременности, выхода за пределы момента выбора. Правда преобразует частное бытие человека в целенаправленное. Совершая акт выбора правды, подчиняясь новой цели, кроющейся в выборе правды, человек проявляет правду, которая в случае несовершенства этого выбора осталась бы парализованной. Зависимость от собственного выбора является принятием на себя ответственности за выбор подлинного или ложного существования.

Исследование вышеозначенных вопросов позволяет сформулировать следующие выводы. Рассмотрено значение поступка в теории действия М.М. Бахтина. Долженствующий момент поступка заключается в «продуктивности единственного действия», при этом место вхождения индивида в бытие оказывается и точкой разрыва последнего. Правда поступка не подразумевает никакой содержательной нормы, заключается в праве на ошибку, чем Бахтин обосновывает свой главный тезис об абсолютной автономии и свободе личности. Обосновывается несогласие с выводом М.М. Бахтина о нейтральности поступка как такового, поскольку человеческое существование изначально драматично, зависимо от положения личности в мире. Обсуждён и дока-

зан тезис о том, что правда представляет собой творческую силу потенции, осуществляющуюся при её воплощении, опредмечивании. При этом формой правды в бытии человека, инструментом её воплощения признана совесть. Сам факт того, что человек вынужден постоянно сталкиваться с выбором правды или неправ-

ды, означает, что предрешение относительно правды у него отсутствует, что противоречит персонализму Бахтина. Таким образом, правда не является врождённым атрибутом поведения, не обусловлена исключительно внешними факторами и всегда требует осознанного выбора, волеизъявления.

ЛИТЕРАТУРА

1. Денисов С.Ф. Жизненные и антропологические смыслы правды и неправды. Омск : Изд-во ОмГПУ, 2001. 206 с.
2. Бобылева Е.Ю. Феномен правды как онтолого-аксиологическая доминанта русской культурной традиции : дис. ... канд. филос. наук. Тамбов, 2007. 154 с.
3. Иванова В.В. Правда в бытии человека : дис. ... канд. филос. наук. Омск, 2005. 185 с.
4. Земскова Н.А. Концепты «истина», «правда», «ложь» как факторы вербализации действительности: когнитивно-прагматический аспект на материале русского и английского языков : дис. ... канд. филол. наук. Краснодар, 2006. 200 с.
5. Бурова М.Л. Проблема справедливости в русской социально-философской мысли конца XIX – начала XX веков : дис. ... канд. филос. наук. СПб., 2003. 161 с.
6. Брекнер Катарина. Об употреблении слов «правда» (правда-справедливость) и «истина» (теоретическая правда) в русской интеллектуальной истории XIX столетия на примере Н.К. Михайловского и П.И. Пестеля // «Правда». Дискурсы справедливости в русской интеллектуальной истории. М. : Ключ-С, 2010. С. 64–87.
7. Печерская Н.В. Справедливость: между правдой и истиной (история формирования концепта в русской культуре) // «Правда». Дискурсы справедливости в русской интеллектуальной истории. М. : Ключ-С, 2010. С. 9–44.
8. Франк С.Л. Сущность и ведущие мотивы русской философии // Философские науки. 1990. № 5. С. 81–91.
9. Бердяев Н.А. Философская истина и интеллигентская правда // «Вехи», «Интеллигенция в России» : сб. ст. 1909–1910 гг. М. : Молодая гвардия, 1991. С. 24–42.
10. Шмелёв А.Д. Русская языковая модель мира: материалы к словарю. М. : Языки славянской культуры, 2002. 224 с.
11. Михайловский Н.К. Письма о правде и неправде // Сочинения : в 6 т. СПб., 1897. Т. 4. С. 381–464.
12. Барабанов Е.В. Русская философия и кризис идентичности // Вопросы философии. 1991. № 8. С. 102–116.
13. Знаков В.В. Психология понимания правды. СПб. : Алетей, 1999. 279 с.
14. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания : пер. с нем. М. : Медиум, 1995. 323 с.
15. Соловьёв В.С. Теоретическая философия // В.С. Соловьёв. Сочинения : в 2 т. М. : Мысль, 1988. Т. 1. С. 757–831.
16. Бахтин М.М. К философии поступка // М.М. Бахтин. Собрание сочинений : в 7 т. М. : Языки славянской культуры, 2003. Т. 1. С. 7–68.
17. Гусейнов А.А. Закон и поступок (Аристотель, И. Кант, М.М. Бахтин) // Сектор этики Института философии РАН. Этическая мысль. М. : ИФ РАН, 2001. Вып. 2. С. 3–26.
18. Соболева М.Е. Правда поступка в философии Бахтина // «Правда». Дискурсы справедливости в русской интеллектуальной истории. М. : Ключ-С, 2010. С. 178–188.
19. Человек и его бытие как проблема современной философии: Критический анализ некоторых буржуазных статей. М. : Наука, 1978. 278 с.
20. Губман Б.Л. Западная философия культуры XX века. Тверь : Леан, 1997. 287 с.
21. Хайдеггер М. Время и бытие: Статьи и выступления : пер. с нем. М. : Республика, 1993. 447 с.
22. Марсель Г. Онтологическое таинство и конкретное приближение к нему // Марсель Г. Трагическая мудрость философии. Избранные работы / пер. с фр., вступ. ст. и прим. Г.М. Тавризян. М. : Изд-во гуманит. лит., 1995. С. 72–106.
23. Свендсен Л. Философия скуки : пер. с норв. М. : Прогресс-Традиция, 2003. 256 с.
24. Мерло-Понти М. В защиту философии : пер. с фр. М. : Изд-во гуманит. лит., 1996. 248 с.

Статья представлена научной редакцией «Философия, социология, политология» 8 июля 2015 г.

ON DEED, WILL AND WILL EXPRESSION

Tomsk State University Journal, 2015, 399, 18–23. DOI: 10.17223/15617793/399/4

Lyakin Vasily E. Kemerovo State University of Culture and Arts (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: barrister_office@mail.ru

Keywords: verity; deed; will; will expression; choice.

The topicality of the article can be explained by the increased interest to the verity problem in the Russian philosophical environment and a certain meaning of the considered concept to the Russian culture. The goal of the article is to establish the parameters of the ratio of the human idea of the proper and their free will. The author solves the question of whether the emergence of verity in human life is caused by spontaneous or other external factors or is an exclusive manifestation of human will. For reaching this goal the article aims to conduct a brief analysis of will and will expression value as the driving force of human acts with regard to a person's choice of its being basis including verity. The common methodological basis of the article is the dialectic method due to which verity and deed are presented as whole formations consisting of interconnected parts and also the structural and functional method which implies the consideration of each of the specified concepts as some integrity which has a complex structure with specific elements. The article considers M.M. Bakhtin's views on the concept of deed which he defines not from its goals point of view but as the way of human life existence. Bakhtin claims the factuality, singleness of deed implying the right to a mistake and expressing but one verity that is verity of the acting person. Bakhtin's theory includes his avowal of person's absolute autonomy and freedom. Then the author expresses and proves his disagreement with Bakhtin's point of view on the exclusively descriptive role of deed and its neutrality as such. A person is constantly accompanied by a possibility of a false interpretation of themselves and their place in the world, unauthenticity, unverity that can lead to an admission of a relative verity. Verity ontologically precedes committed righteous deeds as verity is primary in comparison with its manifestations. In this context verity is not being but its basis. Any private, objectified being always contains a lie, and only authentic being possesses verity as a decisive reason for deeds. Through implementation of the verity potency, a deed actively actualizes verity and being but does not cancel them. As a form of verity in being, the instrument of its embodiment is conscience which always provides information about authentic being. An a priori value of conscience is in apparent dissonance with the previously reviewed Bakhtin's "personalism" that articulates in person's absolute autonomy and freedom

of choice. The study of the above-mentioned questions makes the author come to a conclusion that verity is not an innate behavior attribute, it is not caused by exclusively external factors but always requires a conscious choice, will expression.

REFERENCES

1. Denisov, S.F. (2001) *Zhiznennyye i antropologicheskie smysly pravdy i nepravdy* [Life and anthropological senses of truth and lie]. Omsk: Omsk State Pedagogical University.
2. Bobyleva, E.Yu. (2007) *Fenomen pravdy kak ontologo-aksiologicheskaya dominanta russkoy kul'turnoy traditsii* [The phenomenon of truth as the ontological-axiological dominant of Russian cultural tradition]. Philosophy Cand. Diss. Tambov.
3. Ivanova, V.V. (2005) *Pravda v bytii cheloveka* [The truth in human existence]. Philosophy Cand. Diss. Omsk.
4. Zemskova, N.A. (2006) *Kontsepty "istina", "pravda", "lozh'" kak faktory verbalizatsii deystvitel'nosti: kognitivno-pragmaticheskiy aspekt na materiale russkogo i angliyskogo yazykov* [Concepts "verity", "truth", "lie" as factors of reality verbalization: a cognitive pragmatic aspect on the material of Russian and English]. Philology Cand. Diss. Krasnodar.
5. Burova, M.L. (2003) *Problema spravedlivosti v russkoy sotsial'no-filosofskoy mysli kontsa XIX – nachala XX vekov* [The problem of justice in the Russian social and philosophical thought of the late 19th – early 20th centuries]. Philosophy Cand. Diss. St. Petersburg.
6. Brekner, K. (2010) Ob upotreblenii slov "pravda" (pravda-spravedlivost') i "istina" (teoreticheskaya pravda) v russkoy intellektual'noy istorii XIX stoletiya na primere N.K. Mikhaylovskogo i P.I. Pestelya [On the use of the word "truth" (justice) and "verity" (theoretical truth) in the Russian intellectual history of the 19th century by example of N.K. Mikhaylovskiy and P.I. Pestel]. In: Plotnikov, N.S. (ed.) *"Pravda". Diskursy spravedlivosti v russkoy intellektual'noy istorii* ["Truth". Discourses of justice in Russian intellectual history]. Moscow: Klyuch-S.
7. Pecherskaya, N.V. (2010) Spravedlivost': mezhdru pravdoy i istinoy (istoriya formirovaniya kontsepta v russkoy kul'ture) [Justice: between truth and verity (the history of the concept formation in Russian culture)]. In: Plotnikov, N.S. (ed.) *"Pravda". Diskursy spravedlivosti v russkoy intellektual'noy istorii* ["Truth". Discourses of justice in Russian intellectual history]. Moscow: Klyuch-S.
8. Frank, S.L. (1990) Sushchnost' i vedushchie motivy russkoy filosofii [The essence and the leading motives of Russian philosophy]. *Filosofskie nauki – Russian Journal of Philosophical Sciences*. 5. pp. 81–91.
9. Berdyaev, N.A. (1991) Filosofskaya istina i intelligentskaya pravda [Philosophical truth and the truth of the intelligentsia]. In: Berdyaev, N.A. *"Vekhi", "Intelligentsiya v Rossii": sb. statey 1909–1910 gg.* ["Milestones", "Intelligentsia in Russia": collection of articles of 1909–1910]. Moscow: Molodaya gvardiya.
10. Shmelev, A.D. (2002) *Russkaya yazykovaya model' mira: materialy k slovaryu* [Russian language model of the world: materials for the dictionary]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury.
11. Mikhaylovskiy, N.K. (1897) Pis'ma o pravde i nepravde [Letters about truth and lie]. In: Mikhaylovskiy, N.K. *Sochineniya: v 6 t.* [Works: in 6 v.]. V. 4. St. Petersburg: Russkoe bogatstvo.
12. Barabanov, E.V. (1991) Russkaya filosofiya i krizis identichnosti [Russian philosophy and identity crisis]. *Voprosy filosofii*. 8. pp. 102–116.
13. Znakov, V.V. (1999) *Psikhologiya ponimaniya pravdy* [Psychology of understanding the truth]. St. Petersburg: Aleteyya.
14. Berger, P. & Luckmann, T. (1995) *Sotsial'noe konstruirovaniye real'nosti. Traktat po sotsiologii znaniya* [The Social Construction of Reality. A Treatise in the Sociology of Knowledge]. Translated from German. Moscow: Medium.
15. Solovyov, V.S. (1988) Teoreticheskaya filosofiya [Theoretical Philosophy]. In: Solovyov, V.S. *Sochineniya: v 2 t.* [Works: in 2 v.]. V. 1. Moscow: Mysl'.
16. Bakhtin, M.M. (2003) K filosofii postupka [On the philosophy of an act]. In: Bakhtin, M.M. *Sobranie sochineniy: v 7 t.* [Collected Works: in 7 v.]. V. 1. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury.
17. Guseynov, A.A. (2001) Zakon i postupok (Aristotel', I. Kant, M.M. Bakhtin) [Law and act (Aristotle, Kant, Bakhtin)]. In: Guseynov, A.A. (ed.) *Eticheskaya mysl'* [Ethical Thought]. Is. 2. Moscow: Institute of Philosophy RAS.
18. Soboleva, M.E. (2010) Pravda postupka v filosofii Bakhtina [The truth of act in the philosophy of Bakhtin]. In: Plotnikov, N.S. (ed.) *"Pravda". Diskursy spravedlivosti v russkoy intellektual'noy istorii* ["Truth". Discourses of justice in Russian intellectual history]. Moscow: Klyuch-S.
19. Kuz'mina, T.A. et al. (eds) (1978) *Chelovek i ego bytie kak problema sovremennoy filosofii: Kriticheskiy analiz nekotorykh burzhuaiznykh statey* [Man and his existence as a problem of modern philosophy: A critical analysis of some of the bourgeois papers]. Moscow: Nauka.
20. Gubman, B.L. (1997) *Zapadnaya filosofiya kul'tury XX veka* [Western philosophy of the 20th-century culture]. Tver: Lean.
21. Heidegger, M. (1993) *Vremya i bytie: Stat'i i vystupleniya* [Time and Being: Articles and Speeches]. Translated from German. Moscow: Respublika.
22. Marcel, G. (1995) Ontologicheskoe tainstvo i konkretnoe priblizhenie k nemu [Ontological sacrament and concrete approach to it]. In: Marcel, G. *Tragicheskaya mudrost' filosofii. Izbrannyye raboty* [Tragic Wisdom and Beyond. Selected Works]. Translated from French by G.M. Tavrizyan. Moscow: Izdatel'stvo gumanitarnoy literatury.
23. Svendsen, L. (2003) *Filosofiya skuki* [The philosophy of boredom]. Translated from Norwegian. Moscow: Progress-Traditsiya.
24. Merleau-Ponty, M. (1996) *V zashchitu filosofii* [In defense of philosophy]. Translated from French. Moscow: Izdatel'stvo gumanitarnoy literatury.

Received: 08 July 2015